

Возьмем, к примеру, «Анну Каренину». В конце концов, что это, если не история женщины, изменившей мужу? Сюжет стар как мир, в нем нет ничего нового и удивительного. И все же что делает этот роман литературным шедевром всех времен? Стиль, детальные описания, состояния души, цвета, насыщенность слов — все передает трепет, волнение, биение сердца. Любовный вздох, приступ ярости. Лев, увидевший Китти на катке; образ Анны, белизна ее кожи, едва заметный пушок на лице. Толстой написал этот роман, ведомый замыслом, который не давал ему покоя и требовал воплощения и голоса: обнаженный локоть изящной аристократической руки. Простой, ясный образ, мельчайшая деталь.

Искусство, как и жизнь, состоит в первую очередь из мелочей. Подумайте об этом: именно маленькие, на первый взгляд незначительные вещи заставляют нас влюбляться и ненавидеть. Мелочи способны сделать преступление почти идеальным. Я сказала «почти», потому что именно одна маленькая деталь раскрыла мне, кто и как его совершил.

Все началось в один январский вечер, когда Аюми и Кобе поссорились. На первый взгляд вечер ничем не отличался от других: Кобе был поглощен критикой, сомнениями и фантазиями, излагая свои мысли сложными, учеными словами и упрекая свою воздушную спутницу за чрезмерную раскованность. Обычно Аюми слушала молча, но в этот раз именно она кричала на него как одержимая. И поводов для этого было предостаточно.

Добряк Кобе, несмотря на свой юный возраст, имел, как принято говорить, давнюю подругу, с которой расстался незадолго до встречи с Аюми. И теперь эта бывшая возлюбленная приехала из Японии в Италию, чтобы совершить своего рода культурное путешествие. Следуя давней традиции европейской аристократии, в качестве остановки девушка выбрала Неаполь и, естественно, воспользовалась возможностью, чтобы увидеться со своей давней любовью. А та не только приняла ее с распростертыми объятиями, но и, одолжив машину у Сэмюэла, отвезла в Позитано — место, где сама Аюми, несмотря на все

* Рудольф и Мими — главные герои оперы Джакомо Пуччини «Богема». Рудольф — молодой поэт, Мими — бедная и нежная девушка; это тоже история о драматической любви, страданиях и потере.

настойчивые просьбы, так и не побывала из-за якобы извилистой дороги. Его бывшую звали Нори — да, именно как водоросль, в которую заворачивают рисовые роллы. И она была столь же мила и выразительна, но при этом, к сожалению, ее нельзя было обмакнуть в соевый соус и проглотить. Однако, увидев в соцсетях фотографию, где эта дьявольская водоросль отметила Кобе, Аюми испытала приступ бурной ревности. Он перерос в дикий крик, завершившийся проклятиями, — причем на таком ярком и образном итальянском, от которых побледнел бы даже портовый грузчик. Перед тем как решительно бросить трубку, Аюми поклялась, что больше никогда не захочет его видеть.

— Знаю, я был неправый, — в своей неповторимой языковой манере признал Кобе, сидя на диване и не отрывая взгляда от безмолвного мобильного, зажатого в ладонях.

— Мяу, — произнес Майкрофт, легко коснувшись лапой его колена.

Подняв уши, кот глядел на хозяина огромными зелеными глазами и покачивал головой, с ироничным недоумением взирая на странный уклад человеческого бытия.

— Увидишь, она остынет, — сказал Сэмюэл, с некоторым чувством вины размышляя о том, что сам же одолжил машину, на которой было совершено преступление. Он протянул другу чашечку кофе с бренди — горячий напиток в такие минуты утешает лучше любых слов.

— Нет! — взвыл Кобе, сжавшись в комок на красном диване. — Не успокоится! Она в ярости, ее сжигает священный огонь возмущения.

— Даже так?! Разумеется, я бы тоже заставила тебя за это дорого заплатить, — произнесла я, одарив Сэмюэла тем особым, отточенным вековой эволюцией человеческих отношений взглядом, который ясно давал понять:

подобные эксперименты лучше не повторять — иначе до Позитано доберешься исключительно на пинках.* — Наконец-то у нее будет шанс поквитаться с тобой за все прошлые страдания, причиненные твоими абсурдными обвинениями.

Кобе закатил глаза к небу, словно святой Себастьян, пронзенный стрелами:

— Когда вы устраивать эти модные шоу...

— Даже не начинай, приятель Туридду!** — воскликнула я, шутливо погрозив ему бутылкой бренди. — Речь сейчас о тебе. Повторяю: да, она сердита, но умна и рассудительна. Через пару дней гнев уляжется, и ты будешь прощен. А пока наберись терпения и прояви искреннее раскаяние.

— Не-е-е-ет, она меня не простит... Я раскаяться, но она не прости-и-и-ит! — простонал Кобе, съжившись на диване. Я успела подхватить чашку — к счастью, пустую, — прежде чем она достигла пола.

— Бог мой, да что ты такого сделал! — воскликнул Сэмюэл, глядя на меня тем особым, отточенным вековой эволюцией человеческих отношений взглядом, который ясно давал понять: «А я-то тут при чем?»

— Мр-мр-мр.

Майкрофт спустился с колен раздавленного горем Кобе и направился к двери. Ну конечно, для полного счастья не хватало только Малу. Моя соседка по комнате с мозгами Шерлока Холмса наверняка сможет сложить

* Позитано (ит. Positano) — итальянский городок на крутых склонах Амальфитанского побережья.

** Шутливое обращение, отсылающее к главному герою оперы Пьетро Масканьи «Сельская честь». Туридду — молодой сицилийский мужчина, чья страсть и ревность приводят к трагическим последствиям.

беспрюирышную комбинацию для возвращения оборотительной скрипачки из Токио, ныне обитающей в Кремене.

Она бы выведала все подробности, а затем — после кофе, сигареты и консультации с котом — незамедлительно изложила бы поэтапный план, включая план Б на случай неудачи.

Она все знает и все помнит, стремительно обрабатывает информацию и предлагает выход из самых сложных ситуаций за время, которого обычному человеку вроде меня хватает только на чистку зубов. И вот она здесь в своем зеленом пуховике в желтый горошек — живой ответ на проблемы нашего ноющего, свернувшегося в комок японского друга.

— Что скажешь, Малу? — поинтересовался Сэмюэл, коротко изложив суть, пока подруга раздевалась и натягивала тапочки.

Ласково погладив кота и проверив воду в миске, Малу гневно сверкнула нефритовыми глазами и прошипела:

— Ты сам напросился. Сказал бы ей раньше — ничего бы не случилось. Аюми далеко не дура и сразу поняла, что ты что-то скрываешь. А теперь ты плачешь. К чему эти слезы?

И, не удостоив нас дальнейшими комментариями, стремительно удалилась в свою комнату. Кот, словно тень, последовал за ней.

— Да что за...

Сэмюэл не успел договорить — хотел ли он сказать «черт» или что-то похуже, — фраза застряла у него в горле. Такая реакция для нашей Малу была совершенно нехарактерна. Я немедленно пошла за ней и без стука аккуратно приоткрыла дверь. Комната была погружена в темноту: жалюзи опущены, и лишь синеватые очертания книг на столе едва виднелись во мраке.

— Малу, все в порядке?

— Оставь меня в покое, — раздалось из тьмы.

— Но где ты?

— Я уже сказала — будь так добра, оставь меня в покое, — холодно повторила она, отчетливо выговаривая каждое слово.

Я тут же захлопнула дверь и вернулась на кухню.

— Какая муха ее укусила? — спросил Сэмюэл с заметным беспокойством.

Я лишь пожала плечами.

— Надеюсь, что она не поругалась в очередной раз с Марко, — пробормотал он, потирая глаза. — У нас уже есть один несчастный в плачевном состоянии... Давайте разбирать любовные драмы по одной, не будем усугублять хаос.

— Один несчастный! — отозвался сам бедолага. — Он страдает, он ужасно страдает!

Я решила временно оставить страдальца в покое и сосредоточиться на том, что действительно имело значение.

— Не думаю... Если бы она так реагировала после каждой разлуки, нам пришлось бы терпеть это постоянно, — размышляла я вслух.

— Нет, там что-то куда более серьезное.

— Серьезнее, чем любовная драма?

— Разумеется! — воскликнул Сэмюэл, направляясь к кухне и мельком поглядывая на часы. — Каким бы невероятным это тебе ни казалось, Кобе, есть вещи поважнее «любовных драм», как ты их называешь!

— Ты говорить так, потому что Ариэль пока еще с тобой общается.

— А разве есть причина, чтобы этого не делать? — насторожилась я.

— А я-то здесь при чем? Не вмешивай меня, пожалуйста! — возмутился Сэмюэл.

— Ладно... — произнесла я, вставая, но продолжала с недоверием на него коситься.

— Что ты делаешь... куда идешь... куда вы идете? — начал сыпать вопросами Кобе, глядя на нас печальным взглядом Сэд Сэма*. (Помните его? Плюшевый пес с грустными бровями. Да, у него было именно такое лицо.)

— Мамма mia**, Кобе, угомонись. Сколько можно страдать? Я что, должна сидеть здесь и держать тебя за ручку?

— Встанешь тогда, когда решить проблему.

— Как ни крути, Малу сейчас права! Пусть ее манеры и оставляют желать лучшего, — воскликнула я. — Аюми вообще-то твоя девушка, и если уж ты не знаешь, как ее удержать...

— Но я страдаю, страдаю, как... как Альфредо Жермон!***

Я расхохоталась, проявляя безжалостное равнодушие к его боли.

— Советую тебе не использовать это сравнение в разговоре с Аюми. Альфредо, конечно, испытывал глубокие чувства, но я бы не стала упоминать о профессии Виолетты, — сказала я.

* Sad Sam (англ. «Грустный Сэм») — название жевательной резинки. В 1990-х годах она была довольно популярна в России. Ее особенностью были вкладыши-наклейки, на которых изображался милый пес с очень грустными глазами. *Прим. ред.*

** Итальянское восклицание, выражающее сильные эмоции (раздражение, удивление, усталость); по смыслу близко к русским «Господи!», «Боже мой!».

*** Альфредо Жермон и Виолетта Валери — главные персонажи оперы Джузеппе Верди «Травиата». Альфредо — трагически влюбленный молодой человек, Виолетта — куртизанка; их история — классическая оперная драма о любви, страданиях и жертвах.

— Нет, нет, бога ради! — страдалец в отчаянии взмахнул руками. — Я мучаюсь, как Рудольф от любви к Мими!

— «Зовут меня Мими, но имя мое — Лючия»*, — пробормотала я, наконец отставив бренди и постелив чистую скатерть.

— Да, точно! Именно как они!

— Прости, но надеюсь, что нет, — вспыхнула я. — Никогда не могла понять этих двоих — они, пожалуй, самые глупые любовники на свете.

— Кто? Те самые из «Богемы»? — вступил в разговор Сэмюэл.

— Да. Мими и Рудольф. Меня уже раздражает, что у них нет фамилий, как у участников реалити-шоу. Но это ладно, — продолжала я. — Далее — нелепое решение их проблем. Мими и Рудольф постоянно ссорятся: он ревнив — ничего не напоминает? — но на самом деле это всего лишь хитрая стратегия: оттолкнуть Мими и свести возлюбленную с графом, который купается в роскоши и, самое главное, имеет теплый дом, где она сможет перезимовать и не умереть страшной смертью. Потому что Мими — несчастная, больная туберкулезом девушка, которая сражается с кровавым кашлем на фоне ледяной парижской зимы.

После очередной ссоры раскрываются истинные мотивы, но их любовь все еще сильна. И тут звучит самый нелепый стих итальянской мелодрамы: *Ci lascerem alla stagion dei fior***. Да как же так? Зимой ты чахнешь на этом убогом чердаке, в голоде и холоде, а с наступлением тепла уходишь к графу? Так уезжай сейчас — быть может, ты поправишься и вернешься к своему Рудольфу, *когда расцветут цветы*. И в самом деле, когда Мими вернулась, было уже слишком поздно: она скончалась в муках.

* Цитата из оперы «Богема».

** «Мы расстанемся, когда расцветут цветы» (*ит.*).

— Эй, ну нет, черт возьми, ты уже проспойлерила мне всю «Богему»! — возмутился Сэмюэл, закатив глаза.

Я бросила на него негодующий взгляд.

— Тогда сравнение с Рудольфо тоже не годится, извини, — согласился Сэмюэл, который тем временем мудро приступил к приготовлению ужина. Никогда не знаешь: может, Малу решит выйти из комнаты.

— В конце концов, как видишь, страдание в чистом виде и без всяких параллелей производит куда более сильное впечатление.

На запах пассерованного лука откликнулся только Майкрофт — и то лишь ради пит-стопа у миски и лотка, после чего немедленно вернулся к хозяйке. Я последовала за ним, стараясь двигаться так же бесшумно, но, едва приблизилась к двери, услышала нечто вроде рычания.

— Спасибо, я не голодна.

— Ну, а ты поешь хоть что-нибудь? — заботливо спросил Сэмюэл у Кобе. Его манеры напомнили мне тетю Глорию, но я быстро отогнала это воспоминание.

Молодой скорбящий пианист поднялся, бросил на него горестный взгляд и произнес:

— Как ты можешь думать о еде, когда я так страдать? — И величаво удалился в свою комнату.

Ужин получился неожиданно романтичным, но утверждать, что меня это порадовало, было бы ложью. Мы ели молча, вслушиваясь в каждый шорох. Кобе и Аюми, безусловно, помирятся. Но что, черт возьми, случилось с Малу?

Похоже, это признак высокого интеллекта. По крайней мере, так однажды сказал один мой приятель, который разделяет со мной эту особенность, — и доверие его словам льстит моему самолюбию. Так говорят о тех, кому снятся книги.

Не знаю, случалось ли такое с вами, но со мной это происходит довольно часто: во сне я достаю книгу или газету и читаю отрывок, которого никогда раньше не видела, — чаще всего на самые невероятные темы. Мозг придумывает их на ходу и представляет в печатном виде. По мнению ученых и моего друга, это требует огромных затрат энергии.

И день настал. Величаво, торжественно и неотвратимо — как наступает ночь.

Таким было начало чего-то неизвестного — округлого и точного, словно изгиб на горной дороге. Мысль эта витала у меня в голове, когда я проснулась и, потянувшись, выбралась из постели. Были слышны лишь звуки улицы: мопеды, гудки проезжающих машин и смех двух женщин, приветствующих друг друга с немыслимым для восьми утра энтузиазмом. В доме же царила абсолютная тишина. *День настал.*

Я зашла на кухню — там царил полный порядок, словно все ушли ни свет ни заря либо еще спали. На доньшке

кофеварки осталось немного теплого кофе. «Значит, они ушли совсем недавно, — подумала я, — применяя метод абдуктивной* логики, которому меня научила Малу». (Ладно, это была совсем простая задача.)

Пока я допивала остатки кофе, Майкрофт вышел из комнаты своей любимой человеческой подруги и мягкнул мне прямо в лицо, выражая свое полное разочарование.

— Доброе утро, милый. Похоже, нас с утра пораньше уже бросили на произвол судьбы. Ты проголодался? Я тоже. Давай посмотрим, что я могу тебе предложить, — сказала я, перебирая упаковки с кормом в кладовой. — Треска... тунец... Куриная печень подойдет?

— Мр-мр-мр.

— Пусть будет печень. А я, если не возражаешь, возьму что-нибудь другое.

Я высыпала пакетик в миску, и кот с жадностью принял за еду. Стараясь не перепутать — не люблю куриную печеньку по утрам, — я отрезала кусок от остатков рождественского кекса и макнула его в чашку с холодным молоком.

«Нам следовало бы сходить за продуктами, — подумала я. — Потом... может быть, наверное», — добавила про себя, продолжая жевать. Затем собрала со стола крошки. Проглотив несколько кусочков (он никогда не ест все сразу, это слишком вульгарно), Майкрофт поднял голову и вернулся в комнату Малу.

Странно. Когда мы по утрам остаемся одни — то есть практически всегда, — он составляет мне компанию:

* Абдукция (от *лат.* ab — «с, от» и *ducere* — «водить») — познавательная процедура выдвижения гипотез, направленная на поиск правдоподобных объяснений наблюдаемых фактов или явлений. Ее цель — дать максимально правдоподобную интерпретацию тому, что считается истинным. Иногда абдукцию называют «выведением наилучшего объяснения». *Прим. ред.*

следует за мной в ванную, ждет возле душа, пытается убить, наступая на провод фена. Короче говоря, держится рядом с единственным присутствующим человеком, а как только я приступаю к работе, засыпает рядом. Если же он пошел к Малу, возможно, это означает, что...

— Малу, ты дома? — спросила я, последовав за котом, и повторила, заходя в ее комнату: — Малу?

Величаво, торжественно и неотвратимо — как наступает ночь.

Жалюзи были опущены, и все вокруг окутывал плотный полумрак, белесый свет лишь смутно обозначал размытые очертания предметов. Воздух был густым от едкого запаха дыма.

Я распахнула окно и только тогда услышала за спиной хрипящие звуки:

— Я здесь!

— Эй! Ты меня до смерти напугала! Может, наконец, объяснишься? — вскрикнула я, прижав ладонь к груди и чувствуя, как сердце уходит куда-то в пятки.

— Прости, — прошептала Малу. Хриплое дыхание доносилось из-под одеяла.

— Вылезай оттуда... Ну же. Расскажешь, что случилось?

Я откинула одеяло. То, что предстало перед глазами, меня совершенно не обрадовало.

— На ней был спортивный костюм? Что ты, блин, несешь?

— Да, любовь моя... именно спортивный костюм.

— Я даже не знал, что у нее вообще имеется такая вещь.

— Я тоже.

— И какой он был?

— В каком смысле?

— Я пытаюсь... не могу представить Малу в спортивном костюме, — пробормотал Сэмюэл.

— Ну... я не знаю, что-то вроде ужасного голубого флиса.

— Это, конечно, не синель, но от этого не легче. Спортивный костюм... какое убожество.

— Давай, пожалуйста, хоть на минутку отвлечемся от костюма, ладно?

Небольшое отступление: Малу разработала устав спортивного костюма, состоящий всего из четырех четких пунктов.

Спортивный костюм — предмет спортивной одежды. Любое его использование не по назначению нарушает нормы приличного поведения.

Синель и ацетат — легко воспламеняемые материалы и, следовательно, орудия дьявола.

Исключения из первого пункта допускаются для женщин на поздних сроках беременности, кормящих матерей и людей с тяжелыми или инвалидизирующими заболеваниями, временными или постоянными.

Во всех остальных случаях спортивный костюм — это абсолютное зло.

— И что теперь делать? — спросила я Сэмюэля по телефону, когда час спустя все-таки отправилась за покупками.

— Не знаю, но все это очень серьезно.

— Может, я и сама надела бы спортивный костюм, если... Нет, не надела бы. Ситуация тревожная, хоть и безнадёжная.

— Она сказала тебе, что случилось?

— Так что все-таки произошло? — спросила я.

— Сделаешь мне кофе? Хотя нет — просто горячего молока, с капелькой кофе. И если можно, с пенкой... — Она шмыгнула носом. — Какао у нас есть?

— М-м-м... кажется, да.

— Тогда и немного какао, пожалуйста.

— Синьорина, сейчас открою буфет — и посмотрим, — сдалась я и, распахнув окна настежь, добавила: — Пойдем на кухню, там и говорить удобнее. А то здесь воняет, как в пепельнице...

Кобе — с разбитым сердцем, Малу — укутанная в свой голубой костюм (боже, какое позорище!), жаждущая теплого молока. Пока я разогревала напиток, меня накрыло воспоминание о том, как когда-то и я переступила порог этой квартиры — с разбитым сердцем, нулевой самооценкой и хроническим недосыпом. Дом и его обитатели вернули меня к жизни — кофе, легкая болтовня, улыбки, объятия, мяуканье и множество других маленьких чудес сделали свое дело. Похоже, настала моя очередь действовать, и я не собираюсь отступать. Но первым делом — чашка молока с нежной кофейной пенкой.

— С чего же начать? — пробормотала подруга, дуя на горячее молоко.

— С самого начала, — осторожно предложила я.

Кот легким прыжком устроился у нее на коленях.

— Хорошо... Через месяц у меня защита диссертации.

— Расскажи мне лучше что-нибудь новенькое! Ты уже столько раз нам это говорила...

— Извини, но видишь ли... Это итог трех лет изнурительной работы.

— Ладно, ладно... Через месяц заканчивается твоя докторская программа*. Но что-то я не замечаю в тебе ожидаемого облегчения.

* Докторская программа (PhD) — это высшая ступень университетского образования (третий уровень в Болонской системе), направленная на проведение самостоятельного научного исследования и подготовку диссертации.

— Со сдачей диссертации два месяца назад закончилась и моя стипендия.

И в самом деле, о финансовой стороне вопроса я как-то не подумала. Кое-что начинало проявляться, и я взглядом пригласила Малу продолжить рассказ.

— Я была уверена, что в этом году объявят конкурс на получение научных грантов, а вместо этого... — Большая слеза скатилась по ее ресницам. — Профессор сказал, что об этом не может быть и речи. Денег нет, факультет массово урезал расходы, и я...

Слезка покатилась дальше, сопровождаемая душераздирающим вздохом.

— Мне придется... ну, искать новые перспективы для трудоустройства, — заключила подруга, хлюпая носом.

— Это значит, что?..

— Что я без гроша, Ариэль, — без обвиняков заявила она. — Моих запасов хватит на три месяца, ну может, на четыре, если буду мало есть. А потом... не знаю.

Я несколько раз открывала и закрывала рот в попытке придумать что-то разумное и утешительное. Но из моих уст вырвалось лишь дрожащее:

— А что со стройкой на Муниципальной площади?

Малу покачала головой:

— Я выходила туда только на замену.

— Частные уроки?

Она уставилась на меня в ужасе:

— Ты с ума сошла? Два часа в одной комнате с ту-пицей?!

Меня вдруг осенило:

— Но у тебя же есть лицензия гида! А если бы ты организовала какие-нибудь...

— Ариэль?

— Что такое?

— А то, что сегодня десятое января. В лучшем случае можно встретить туриста в состоянии алкогольной комы, очнувшегося после новогодней ночи на Пьяцца-дель-Плебишито*.

Так и есть. После рождественских гуляний в городе остались только местные, и до Карнавала** здесь будет полное затишье. Улочки старинных кварталов опустели — не хватало только телеги с сеном и старика, жующего соломинку в скрипучем кресле-качалке. Для нас, горожан, это настоящий рай, а вот для гида — не самый идеальный вариант.

Я не отступила и, решившись на еще одну попытку, осторожно предложила:

— Может, тебе стоит подготовиться к конкурсу на должность госслужащей?***

— Который объявят в две тысячи никаком году...

— А как насчет конкурса в школу? Объявление о нем скоро выйдет. А пока мы могли бы тебе помочь — да и твои родители, думаю, тоже не откажутся.

Малу округлила глаза:

— Что ты сказала? Школа? Ты что, пьяная? Сидеть взаперти с двадцатью орущими подростками? Ты правда хочешь моей смерти?

* Пьяцца-дель-Плебишито (*ит.* Piazza del Plebiscito) — центральная площадь в Неаполе.

** Карнавал (*Carnevale*, от *лат.* *carnem levare* — «убирать мясо») — традиционный итальянский праздник, предшествующий Великому посту. Обычно отмечается в феврале — начале марта.

*** В Италии прием на государственную службу осуществляется через систему открытых конкурсов (*ит.* *concorso pubblico*), включающих письменные и устные экзамены. Конкурсы отличаются высокой конкуренцией и требуют длительной подготовки.

— Да ладно тебе, не преувеличивай!

— Нет, я не хочу заниматься преподаванием, понятно? Мне это неприятно...

— Малу, я же не предлагаю тебе грабить старушек у почтового отделения. Это просто работа — и, на мой взгляд, вполне приличная. Подумай только: у тебя будет возможность ковать молодые умы, прививать юным сердцам любовь к литературе, искусству, истории... По-твоему, у профессора Папараро была плохая жизнь?

— А при чем здесь это? У нее было призвание. А у меня — нет.

— Призвание... Ты хочешь сказать, что у всех учителей есть призвание? Попробуй хоть раз в жизни быть практичной! Возможно, это и не работа твоей мечты...

— Да это просто кошмар, а не работа! Семинар в университете — это одно, а средняя школа... или, еще того хуже, лицей — нет! Каждое утро отрывать их от «Тик-Тока» — даже не выдумывай! Нет, моя дорогая, и еще раз нет! Ни за что на свете!

— Ты просто невыносима!

— А что, если меня отправят по распределению куда-нибудь в Джелу, в Больцано, в Ломатцо, в... ну, не знаю, в Кандиоло?* Если я попаду в Кандиоло?

— Где вообще этот Кандиоло?

— Дело не в том, где находится Кандиоло, дело в том, что я не хочу туда ехать.

— Ладно, — сказала я, будучи уже на пределе. — Не езжай в Кандиоло, ничего страшного.

Майкрофт, казалось, испытал облегчение — возможно, его тоже пугала перспектива оказаться в Кандиоло, — но Малу все не сдавалась.

* Города в Италии (*ит.* Gela, Bolzano, Lomazzo, Candiolo).

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

